Алексей Васильевич СОЛОВЬЕВ

France in the First World War (1914-1918)

1.1. French society in the war

Перед Первой мировой войной Франция, как и многие другие государства, входившие в противостоящие блоки, жила ее ожиданием, но начало вой ны было неожиданным и несвоевременным, хотя руководство страны допускало возможность войны и вело подготовку к ней[1].

Французы, пережившие позор поражения в франко-прусской вой не 1870–1871 годов и потерявшие в ней Эльзас и Лотарингию — «две самые французские из французских провинций» (по выражению Жоржа Клемансо)[2], несмотря на сорок с лишним лет, прошедшие со времени ее окончания, внутренне не смирились с позором военного поражения и территориальными потерями, что стало серьезным психологическим фактором, предопределившим настроение целой нации. Расхожее мнение о том, что объявление мобилизации вызвало во Франции волну патриотического энтузиазма, что солдаты с легким сердцем и «цветком в дуле винтовки» уходили на фронт, далеко не всегда соответствовало действительности. Объявление общей мобилизации не удивило парижан, которые были неплохо информированы о событиях, происходивших на международной арене. Но в сельских областях известие о войне застало врасплох жителей деревень, занимавшихся полевыми работами. Объявление войны никогда не бывает радостным, но жители востока и севера Франции восприняли новость с особенной тревогой, так как опасались вторжения противника. По свидетельствам очевидцев, во всех областях Франции жители обычно проявляли спокойствие, мужество и достоинство. Историк Марк Блох свидетельствовал: «Мужчины не были радостными, они были решительными, что лучше»[3]. В больших городах реакция была иной. Например, в Париже толпа людей шла по бульвару, выкрикивая оскорбления в адрес Вильгельма II, одновременно скандируя: «Нам нужен Эльзас». В Руане, Монпелье, Лионе толпы молодых людей заполнили улицы. В Тулузе оркестры во многих кафе по сто раз исполняли «Марсельезу». Особенно эмоциональными были жители южных городов. В Бордо жители

[1] Wickersheimer E. La République veut la paix, mais ne craint pas la guerre. Paris: Eugène Figuiere & Cie, Editeurs, 1914.
[2] См.: Tardieu A. La Paix. Preface de Clémenceau. — Paris: Payot & Cie, 1921. P. 1–2.
[3] Цит. по: Miquel P. La Grande Guerre. — Paris: Fayard, 1983. P. 19.

кричали: «Да здравствует Россия!», на юго-западе Франции в городе По — не спали всю ночь[4]. В центральных районах событие было воспринято сдержанно. Были также отдельные случаи протестного поведения, когда французские граждане выкрикивали антивоенные лозунги и пели «Интернационал». Однако в целом во Франции проявлялось единение народа, неожиданно подвергшегося нападению со стороны своего давнего противника[5].

Имели место проявления германофобии, шпиономании, боязни саботажа. Распускались слухи, что немки раздают французским детям отравленные конфеты. Выходцы из других стран, внешне похожие на представителей стран-противниц, нередко подвергались нападкам со стороны местного населения. Иногда невольными жертвами такого насилия становились эльзасцы и лотарингцы в силу своей схожести с немцами и своеобразного акцента, похожего на немецкий. Со стороны толпы случались проявления шовинизма в ходе погромов магазинов, предприятий и т.д. Многие требовали переименования улиц и товаров, носивших германские названия (например, одеколон, мюнхенское пиво, венские булочки и т.п.)[6].

Вместе с тем население не забывало о повседневных делах: люди снимали со счетов значительные суммы денег, старались обменять ценные бумаги на наличные деньги, домохозяйки закупали впрок продукты питания. Все это вызывало дефицит и повышение цен[7]. Можно сказать, что война началась в относительно благоприятной обстановке. Заключенные с союзниками договоры действовали на французов успокаивающе, генеральный штаб был уверен в адекватности наступательной военной доктрины и мощи вооруженных сил Франции. Все надеялись, что конфликт будет непродолжительным и победоносным. К началу войны Франция находилась в состоянии обострения экономических, социальных, политических и классовых противоречий.

Мобилизация затрудняла деятельность партий, так как многие кадровые партийные деятели и активисты ушли на фронт. В левых партиях не было единства по поводу отношения к войне. Некоторые интеллектуалы не поддавались окружавшему их национализму. Наиболее известными были сторонники пацифизма Ромен Роллан и Анри Барбюс. Социалистическая

[4] Ibid.
[5] Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. — Paris: Armand Colin, 2005. P. 37.
[6] Ibid. P. 38.
[7] Ibid.

партия СФИО (Французская секция Рабочего интернационала — SFIO) в массовом порядке поддерживала войну, и лишь небольшая ее часть настаивала на поиске правительством путей мирного урегулирования. Всеобщая конфедерация труда также последовала по пути поддержки войны и сотрудничества с государством. Но внутри нее все-таки была малочисленная антивоенная оппозиция[8]. Профсоюзы потеряли более 50 процентов своих членов из-за мобилизации в армию, а некоторые мелкие союзы и федерации распались. Таким образом, подъем рабочего движения был остановлен начавшейся войной, стачечное движение пошло на убыль и почти прекратилось. Благодаря соглашательской позиции социалистов и лидеров профсоюзного движения, особенно после убийства французского борца против милитаризма и войны Жана Жореса, без особых трудностей была проведена всеобщая мобилизация. На сборные пункты не явилось всего от 1 до 3 процентов призывников[9]. Пацифисты, которых политические противники часто называли «пораженцами», в 1914 году были небольшой группой, но с 1916 года это меньшинство стало более многочисленным и влиятельным.

Большую часть мобилизованных составляли крестьяне, так как по сравнению с другими категориями французов они имели меньше оснований для отсрочки и освобождения от службы в армии. Недостаток рабочих рук привел к укреплению солидарности в среде крестьян. Но это и даже двухнедельные увольнения солдат для участия в посевных работах не решали проблему. Чтобы заместить ушедших на фронт, использовали труд граждан, пользовавшихся отсрочкой от призыва, и иммигрантов (около 150 тыс. чел.), а также военнопленных (около 40 тыс. чел.). Военнопленные нередко не имели соответствующей квалификации, часто совершали побеги. Но те из них, кто длительное время работали на местах, куда их направили, создавали положительное впечатление у своих работодателей, что способствовало снижению враждебности в целом. Крестьяне выражали недовольство ценообразованием на продукцию сельского хозяйства и повышением цен: по сравнению с 1914 годом они платили вдвое большую зарплату работникам, в три раза дороже за крупные машины, в пять раз — за удобрения. Тем не менее, благодаря повышению цен на сельскохозяйственную продукцию и черный рынок, на котором некоторые реализовывали свою продукцию, производители могли получать прибыль. Многие сумели таким образом рассчитаться с долгами. Фермеры и арендаторы-издольщики превращались в

[8] Schor R. Op. cit. P. 60–61.
[9] История Франции. Т. 2. — М.: Наука, 1973. С. 574–575.

собственников. Война также способствовала исходу из деревни. Ее покидали фермеры, мелкие земледельцы, сельскохозяйственные рабочие, женщины — в поисках лучшей зарплаты на оборонных предприятиях.

5 августа 1914 года во Франции был принят закон, ограничивавший свободу прессы. В такой ситуации достоверные вести с фронта стали невозможны. Солдаты предупреждали своих родных, чтобы они не доверяли официальным сообщениям. Порой источником информации о действиях на фронте становились немцы. Цензура сделала невозможной малейшую критику действий генерального штаба. Доведенная до предела пропаганда превратила газеты в источник глупостей и лжи[10].

В течение всех четырех лет войны 10 департаментов с населением 125 тыс. жителей подверглись трудностям оккупации. Оккупационные власти вместе с коллаборационистами проводили жесткую политику по отношению к населению. Была проведена перепись населения, введен строгий комендантский час, жители должны были постоянно иметь при себе удостоверение личности, было запрещено передвижение из города в город, осуществлялись методичные реквизиции урожая, металлов, велосипедов, телефонов, текстиля и т.д., в Германию вывозились станки. Для уборки городов, полевых работ, рытья траншей и т.п. была установлена обязательная трудовая повинность для лиц от 14 до 65 лет. Непокорные граждане, читающие неподконтрольные немецкой администрации газеты, жестоко наказывались, вплоть до смертной казни[11].

Жители оккупированных районов недоедали, так как реквизиции распространялись и на продукты питания. Продуктовые пайки, распространяемые США и Испанией через гуманитарные организации с разрешения немцев, удовлетворяли лишь на треть потребности в калориях работавших французов, но обеспечивали жизненный минимум. Французское общество испытало на себе углубление неравенства. В результате этого у людей возникало чувство несправедливости. Война увеличила доходы одних и привела к бедственному положению других граждан. Нувориши часто вели вызывающий образ жизни, что накапливало у наиболее бедных, рискующих своей жизнью солдат, у семей, потерявших кормильцев, неприязнь и презрение к ним. Среди прямых и косвенных жертв войны в наиболее неблагоприятных условиях оказались беженцы. За время войны 4–5 млн.

[10] Vallaud P. 14–18 La première guerre mondiale. Plus de 500 documents inédits. — Paris: Acropole, 2011. P. 557.
[11] Vallaud P. Op. cit. P. 580, 584.

человек постигла участь беженцев, находившихся в непривычных условиях, не приспособленных к новым профессиям, часто без сведений о семьях, с оставленным имуществом.

Часть средних классов материально пострадала от войны: служащие, пенсионеры, рантье. Их благополучие зависело от цен, так как их денежное обеспечение не увеличивалось, или слабо увеличивалось. Не работавшие никогда женщины, потерявшие мужей, должны были жить на скромную пенсию от государства или приобретать какую-либо профессию.

Положение рабочих было неодинаковым. Те, кто работали на заводе, зарабатывали больше, чем надомные работники. Это, начиная с 1916 года, приводило к недовольствам. В 1917 году прокатилась волна крупных забастовок, приведших в ряде случаев к увеличению заработной платы, но растущая дороговизна жизни снижала ценность полученных преимуществ. Рабочие иммигранты, в том числе из колоний жили и работали в разных условиях. Некоторые вольнонаемные рабочие самостоятельно нанимались и жили там, где хотели, другие, коллективно принятые на работу, часто проживали в бараках рядом с военными заводами и подчинялись почти военной дисциплине. Питание было удовлетворительным, но платили немного, они страдали от непривычного климата и плохого отношения французов, усматривавших в них конкурентов.

С 1917 года во Франции была введена карточная система, сначала на сахар: 750 г, затем 500 г в месяц на человека. В том же году ввели карточки на уголь, в 1918 году — на хлеб, который был низкого качества. Все чаще печки в домах приходилось топить дровами и даже суррогатным топливом, сделанным из влажных журналов, смешанных с золой, а затем спрессованных в брикеты и высушенных. Местные власти призывали жителей ограничивать себя во всем. Муниципалитеты уменьшали освещенность улиц. Газ подавался по несколько часов в день. В скверах выращивали овощи. Государство поощряло сдерживание цен в кооперативах и муниципальных магазинах. Благотворительные общества раздавали наименее социально защищенным слоям населения бесплатную пищу и продовольственные продукты. Были случаи, когда нечестные коммерсанты наживались на продаже некачественных товаров[12].

[12] Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. P. 69–70; Vallaud P. 14–18 La première guerre mondiale. Plus de 500 documents inédits. P. 575–576.

В военные годы во Франции выросла преступность, явившаяся следствием серьезных изменений в жизни общества. Увеличилось количество ограблений, получило распространение мошенничество в благотворительной сфере, распространялось попрошайничество. Небывалый взлет подростковой преступности был вызван социальными факторами: отсутствие отцов, занятость матерей на работе, призыв учителей в армию, прогулы школьниками уроков. Также за эти годы выросла проституция. Власти безуспешно пытались бороться с ней. Армия со своей стороны организовывала для солдат дома свиданий рядом с военными частями, но это не решало проблему. Перемещение французских, колониальных и союзных войск привело к распространению венерических заболеваний[13].

Изменения в жизни страны привели к ускоренной эмансипации французских женщин. На них легли обязанности мужей, ушедших на фронт. Нехватка рабочих рук способствовала вхождению женщин на рынок труда с 1914 года. Они работали служащими в администрации, в банках, страховых компаниях, на транспорте, в сельском хозяйстве, на оборонных заводах, в армии на должностях секретарей, машинисток, санитарок. В 1918 году на армию работало 425 тыс. француженок. Условия труда женщин были тяжелые, а заработная плата — вдвое ниже мужской. 22 апреля 1916 г. появляется первый закон, ограничивающий злоупотребления в применении женского труда. А. Тома, министр по вооружениям, запретил использовать труд женщин моложе 18 лет в ночное время на оборонных предприятиях. Однако это не помешало женщинам активно участвовать в забастовках в 1917 году[14]. Женщина втягивалась в светскую жизнь, становилась более раскрепощенной. Женская мода тоже изменилась в сторону большей скромности и функциональности[15].

Хотя с начала войны социальная ситуация оставалась относительно спокойной и число забастовок было незначительным, общество испытывало глубокую усталость из-за затянувшегося конфликта. Обыватели возмущались обогащением торгашей, дороговизной жизни, снижением реальной покупательной способности, снизившейся с 1914 по 1917 год на 10,5%. С января 1917 года рабочие парижских швейных предприятий прекратили работу, за ними — рабочие заводов вооружения, строительства, транспорта, газа. Без вмешательства профсоюзов, число забастовщиков в парижском регионе насчитывало 100 тыс. и 300 тыс. чел. в провинции. Женщины

[13] Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. P. 70–71.
[14] Vallaud P. 14–18 La première guerre mondiale. Plus de 500 documents inédits. P. 562–563.
[15] Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. P. 72.

активно участвовали в выдвижении требований увеличения зарплаты и борьбе за «английскую неделю». Большинство забастовок прекратилось с установлением минимальной зарплаты и процедуры обязательного арбитража. Социальное движение 1917 года было в основном корпоративное, а политические лозунги отсутствовали[16].

Уклонение американцев от вступления в войну вызывало у части французов резко отрицательное отношение к ним. Дело доходило до того, что американцы, находившиеся во Франции, порой обращались к властям с просьбой обеспечить им безопасность пребывания в стране[17]. С февраля по октябрь 1917 года американская помощь была исключительно расплывчатой, а ее формы плохо определены. Со всей очевидностью, США не готовились вмешаться в «европейскую войну». Американцы брали в руки оружие без энтузиазма[18]. Они были готовы на любые жертвы, если те служили их интересам. Американские политики в своих мыслях о послевоенной Европе в качестве своего партнера видели Великобританию, а не Францию[19].

После окончания Первой мировой войны социальная обстановка во Франции сильно изменилась. Как утверждали современники, «конфликты эмоций, преобладавшие до 1914 года, после окончания войны уступили место конфликтам социального порядка»[20]. В мирных условиях дух войскового братства, который поначалу стремились поддержать ветераны, в период финансового и экономического кризисов стал сменяться атмосферой социального конфликта между рабочим классом, проявлявшим возрастающую активность, и капиталистами, мало расположенными идти на уступки по поводу социальных требований, выдвигаемых трудящимися[21].

Происходят забастовки, захваты заводов, влияющие на всю страну и быстро достигающие максимального размаха, обеспечивая рабочему классу в социальной области ощутимые результаты; затем после короткого периода разрядки деятельность возобновляется, но с меньшей интенсивностью.

---

[16] Ibid. P. 82–83.

[17] Yves-Henri Nouailhat La France et les Etats-Unis aout 1914 — avril 1917. Tome I. These presentee devant l'Universite de Paris I le 24 mai 1975. Service de reproduction des theses, Universite de Lille III, 1977.

[18] Andre Kaspi La France et le concours americain. Fevrier 1917 — Novembre 1918. Tome I. These presentee devant l'Universite de Paris I — le 18 mai 1974. Service de reproduction des theses, Universite de Lille III, 1975. P. 472.

[19] Ibid. P. 474–476.

[20] Commandant X… Trois lecons de l'histoire 1870–1914–1940. — Paris: DURASSIE & Cie, Editeurs, 1949. P. 95.

[21] Ibid.

Возникают разногласия; массы, увлекаемые экстремистскими элементами, хотят развивать свой успех, тогда как руководители профсоюзных организаций заявляют о необходимости возврата к нормальному государству и безуспешно призывают к умеренности[22] .

Вместе с тем французы в моральном плане получили компенсацию, за которую дорого заплатили. На международной арене страна выступала в роли основного «творца победы». Косвенным признанием заслуг Франции в вой не было то, что мирная конференция прошла в Париже и договоры, которые заставили подписать проигравшую сторону, носили названия тех «шато» в предместьях столицы, где они были подписаны: Сен-Жермен, Севр, Трианон и, особенно, Версаль, где 28 июня 1919 г. Германия признала свое поражение. К тому же в период между двумя войнами французская дипломатия в силу указанных причин играла важную международную роль[23].

Постепенно, начиная с торжественного захоронения останков неизвестного солдата у подножия Триумфальной арки в январе 1921 г., во Франции формируется традиция увековечения памяти жертв Великой войны. В каждой французской деревне создавались памятники погибшим. На них золотыми буквами написаны имена жителей, отдавших свою жизнь за Францию. На некоторых были даже пацифистские лозунги, наподобие: «Пусть будет проклята война»[24].

В целом же последствия войны для французского социума заключались в следующем.

Война перевернула все традиционные установки французского общества: оно было поделено на новые группы, которые противостояли друг другу. На тех, кто выиграл от войны, и тех, кто пострадал от нее. Начиная с 1918 года под влиянием октябрьской революции в России в стране началась волна забастовок.

Увеличился разрыв между городом и деревней. В связи с инфляцией падала заработная плата наемных рабочих, прибыли рантье и всех граждан, имевших фиксированные доходы, снижались. Некоторые из них были полностью разорены в связи с невозвращением российского займа.

Демобилизация во Франции продлилась до весны 1921 года, прежде чем успешно завершилась. Вернувшиеся с войны солдаты плохо

[22] Ibid. P. 96.
[23] Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. P. 105.
[24] Vallaud P. 14–18 La première guerre mondiale. Plus de 500 documents inédits. P. 481–482.

интегрировались в гражданскую жизнь. Многим была необходима психологическая и иная реабилитация.

Часть фронтовиков не смогла адаптироваться к мирной жизни, так как испытывала острую ностальгию о героическом периоде войны, воинскому товариществу и солидарности между бойцами.

Возвращение солдат к семейному очагу не всегда соответствовало тому, как его представляли себе окопные солдаты, так как у некоторых отсутствие в семье достигало семи лет (три года срочной службы и четыре года на фронте).

Франция доказала, что представляла собой нацию в полном смысле слова. Ее граждане продемонстрировали неимоверное усилие, так как, несмотря на существовавшие противоречия, представляли собой единый социум.

Психологические последствия войны трудно поддаются оценке, но они неоспоримы. После тяжких испытаний Великой войны у Франции проявились усталость и отсутствие готовности к новой военной конфронтации.

Серьезной проблемой было наличие десятков тысяч инвалидов (подвергшихся газовой атаке, с ампутированными конечностями, челюстно-лицевыми ранениями и т.п. — всего около 1 млн. 100 тыс. чел.), для которых реабилитация и включение в послевоенную жизнь представляли большую трудность. К ним добавлялись около 3 млн. человек с менее тяжелыми ранениями. Так как покалеченные войной люди испытывали непередаваемые страдания из-за своего бедственного положения, для удовлетворения этой социальной потребности стали создавать ассоциации, организации и даже было учреждено министерство по делам участников войны.

Франция испытала сильнейший демографический коллапс. Из всех участниц в процентном отношении она понесла самые тяжелые потери — 1 375 800 военнослужащих (10,5 процента активного населения страны), что сказалось на всех сторонах жизни страны и общества. Демографическая проблема стала предметом заботы и, хотя с запозданием, породила законодательство по защите семьи и поощрению рождаемости.

Изменилось положение женщины в обществе. Нередко вернувшийся с фронта муж сталкивался с ситуацией, когда его жена превратилась в активную женщину, сумевшую заменить его в период войны на заводе и в поле, тем самым подняв свой социальный статус. Возросло количество разводов.

Война спровоцировала революцию нравов. После войны люди как бы наверстывали упущенное время: балы, ночные увеселительные заведения,

дансинги с танго и чарльстоном, джаз, кино. Было желание праздновать, что остались живыми, тратить быстро обесценивающиеся деньги и т.д. Все это получило название «сумасшедшие годы».

Изменения коснулись и моды: мужчины, носившие до 1914 года черный фрак и цилиндр, после 1918 года перешли на серый котелок и черный пиджак; женщина освободилась от корсета, поменяла платье на юбку, стала носить короткую прическу. Появились «дамские» парикмахеры.

Интеллектуалы осознали, что мир вступил в новую эру, в которой Европа и Франция будут играть уже меньшую роль.

Колониальная система подверглась изменениям в сторону получения большей автономии и в перспективе — независимости для ряда стран. Было положено начало процессам формирования национального самосознания угнетенных народов.

1.2. The evolution of views on the war in France

В предисловии к книге Андре Тардье, известного французского политика и автора работ по истории дипломатии, Ж. Клемансо писал: «Нет более выраженного международного преступления, чем нападение Германии на Францию 2 августа 1914. И никогда не было более умышленного. В течение 34 часов без объявления войны немецкие войска нарушили границу Франции и захватили принадлежащие французам земли. Это вторжение вынашивалось полвека»[25].

Франция предчувствовала вой ну и готовилась к ней. Но, как показывает опыт, несмотря на известные утверждения Сунь-Цзы, Клаузевица и других известных мыслителей об изменчивости войны, воюющие стороны обычно готовятся к «прошлой» войне. Французское понимание предстоящей войны не совпало с реальностью, с которой пришлось столкнуться французской армии и в целом всему французскому социуму. В 1914 году война виделась им как быстротечная и победоносная. Но эта иллюзия быстро развеялась в ходе первых сражений. Предполагая характер будущей войны, французы в противовес плану фон Шлиффена, воспринимавшемуся ими нереальным, выдвинули план XVII, принятый французским командованием 15 апреля 1914 г.

Появлению этого плана предшествовала длительная работа французского Генерального штаба, который уже с 1872 года приступил к разработке действий французских войск на случай конфликта с Германией.

[25] André Tardieu. La Paix. Préface de Clémenceau. — Paris: Payot & Cie, 1921. P. 1.

С этого времени и до апреля 1914 года было разработано семнадцать вариантов этого плана. Последний из них, с началом боевых действий в 1914 году, стал руководством к действию для французского командования. План имел наступательный характер, что оказалось неожиданным для немцев, которые не предполагали такой стратегической дерзости со стороны французов. Это было вполне обоснованной реакцией германского командования, так как хорошо знакомый им план XIV, утвержденный в 1898 году, предусматривал со стороны французов исключительно оборонительные действия. Целью же плана XVII было возвращение Эльзаса и Лотарингии, отошедших к Германии по результатам франко-прусской войны 1870–1871 гг. закрепленное Франкфуртским мирным договором, а это предполагало решительное наступление и овладение указанными территориями[26].

Задача Франции была достаточно сложной, так как она в силу своих демографических особенностей (невысоких темпов роста населения и уступающей Германии численности), была неспособна создать большую армию, необходимую для наступательной войны. Для решения этой проблемы правительство Франции в 1905 году приняло закон о всеобщей воинской обязанности, установивший двухгодичную продолжительность службы в армии. Однако это решение было паллиативным, так как, по расчетам французского Генерального штаба, даже увеличенная таким образом численность вооруженных сил оставалась недостаточной для успешного ведения боевых действий против немецкой армии в случае войны.

В 1911 году начальник Генерального штаба В. Мишель приступил к разработке нового плана, основывавшегося на использовании резервистов в случае войны. Он полагал за счет использования резерва развернуть значительное количество войск вдоль границы с Бельгией и Германией, что позволило бы в случае необходимости ввести французские войска на территорию Бельгии в военное время. Это предложение было принято «в штыки» французским офицерским корпусом, резко отрицательно относившимся к институту резервистов, плохо зарекомендовавших себя во франко-прусской войне. Правые партии, негативно относившиеся к принципу «вооруженной нации», также выступили против этого плана и способствовали отставке генерала, когда к власти пришло правительство правого толка. Кроме указанных причин бытовало мнение, что смешение

[26] Киган Д. Первая мировая войн а. С. 20 /268 http://redstory.ru/war/kigan_ ww1/07.html

резервистов с солдатами действительной службы приведет к созданию «упадочнической армии», не обладающей волей к победе. Левые партии придерживались иной точки зрения по поводу этого принципа, так как у них сохранились неприятные воспоминания о роли генерала Буланже в политической жизни Франции, к тому же образ армии ассоциировался у них с государственными переворотами. Поэтому они выступали за использование резервистов и сопротивлялись увеличению действительной службы до трех лет. Несмотря на острые дебаты по этому вопросу, закон о трехлетней действительной службе был принят в 1913 году не без активного влияния армейских кругов.

В октябре того же года правительством был принят новый Полевой устав, явившийся основой для обучения и руководства войсками. Основной идеей этого документа была апология наступления. Устав начинался словами о том, что французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме наступления.

Пришедший в 1912 году на смену В. Мишелю новый начальник Генерального штаба Ж. Жоффр был выразителем идей новой военной школы, делавшей акцент на наступлении с выходом за границу, поэтому он не принял во внимание разработок своего предшественника, а сосредоточился на идее наступления как основном виде боевых действий[27].

Концептуальной основой плана XVII стал ранее составленный Ф. Фошем стратегический план, ведущая идея которого формулировалась им следующим образом: «Мы должны попасть в Берлин, пройдя через Майнц». В отличие от плана Шлиффена, план XVII был своего рода общим замыслом, не содержавшим четко выраженной директивы и точного графика операций. Он не являлся оперативным планом, а был планом развертывания войск с указанием возможных направлений наступления для каждой армии в зависимости от обстановки, но без конкретной цели. Тем не менее, в нем были предусмотрены два наступления: одно в Лотарингии, а другое в Арденнах[28]. Французское командование рассчитывало одержать победу, применив доктрину «наступления до победного конца», одним из главных теоретиков которой был полковник Гранмезон. Пехота, по замыслу французов рассматривавшаяся как основной род войск, должна была наступать, не считаясь с потерями. Вступив в соприкосновение с

[27] Лиддел-Гарт Б.Г. Решающие войн ы в истории / Пер. с англ. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. С. 203.

[28] Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. — Paris, Armand Colin, 2005. P. 41.

противником, она переходила к рукопашному бою, используя штыки. Пулеметам и тяжелой артиллерии, способным замедлить наступление, отводилась второстепенная роль. Лишь отлично зарекомендовавшей себя легкой 75-мм пушке доверялось поддерживать пехоту в ее наступлении[29]. Хотя план XVII был пронизан наступательным духом, в сущности, он являлся планом ответных действий на предполагаемое наступление немцев, направления которого французы не могли заранее предвидеть. Разработка плана была завершена в апреле 1913 года, и вместе с полевым уставом план был принят Верховным военным советом. План был подготовлен к рассылке каждому командующему из пяти армий в части, их касающейся.

План был строго засекречен. Все генералы были ознакомлены лишь с короткой общей директивой. План подлежал беспрекословному выполнению и не подлежал обсуждению. В директиве доводилось до сведения исполнителей, что действия французских войск будут состоять из двух крупных наступлений — слева и справа от немецкого укрепрайона Мец-Тионвилль. По этому плану предусматривалось развертывание пяти французских армий с перекрытием одной трети франко-бельгийской границы. Одним из спорных вопросов, вызывавших нарекания со стороны противников плана XVII, был вопрос о привлечении к активным действиям резервистов. В Германии в 1913 году резервистов стали привлекать в качестве солдат для использования в действующей армии. Сведения об этом стали известны французскому командованию, но сторонники наступательной концепции не сочли нужным отказываться от своих планов и переходить к оборонительному варианту. Они настойчиво убеждали себя и других в своей правоте.

В начале войны французская армия опиралась на наступательную стратегию, хотя состояние войск было мало приспособлено к этому виду боевых действий. Неплохо вооруженная индивидуальным и коллективным оружием, она, тем не менее, испытывала нехватку в легких пулеметах; знаменитая 75-мм пушка, простая в обращении и сконструированная для маневра на поле боя, имела ограниченное поле обстрела; не хватало тяжелой артиллерии, позволявшей вести огонь на средних и дальних дистанциях, которой было вполне достаточно у немцев (600 орудий). В области создания и производства ручного пулемета французы отставали от основных воюющих стран. Чтобы компенсировать нехватку тяжелой артиллерии,

[29] Ibid.

французы проявили изобретательность, устанавливая корабельные орудия на железнодорожные платформы. В 1918 году тяжелая артиллерия на железнодорожных платформах (ALVF) играла основную роль. Калибры орудий достигали невиданных размеров, например 520 мм[30].

Индустрия войны сделала огромный шаг вперед в развитии новых средств борьбы и военной техники: появились моторизованные подразделения, новые средства связи, авиация, снаряды, танки, пулеметы. Это была первая индустриальная войн а, что в значительной степени повлияло на развитие новых способов ведения войны. Переход от подвижных боевых действий к позиционной войн е вынес приговор коннице. Французам пришлось также расстаться со своими красными штанами, так как они служили отличной мишенью для противника. Хотя некоторые высокопоставленные чиновники были против замены на другой (менее французский) цвет, большие потери среди военных подтолкнули правительство к разумному решению. Новая форма голубоватого цвета («bleu horizon») для французской армии, принятая в 1915 году, ознаменовала некоторый поворот во взглядах на военное обмундирование в соответствии с изменениями в ведении войны[31].

Переход к позиционной войне изменил также характер боевых действий и способы использования местности при создании оборонительных сооружений. Именно в этот период появился термин «траншейная война». Эта война подтолкнула изобретателей, ученых и промышленников к развитию специфических вооружений, приспособленных для ведения ближнего боя, когда траншеи противника находились порой в нескольких метрах от своих позиций[32]. Траншеи отрывались на глубину до 2 метров, защищенные бруствером из земли или мешков с песком, с колючей проволокой впереди. Иногда стенки траншей укрепляли досками или другими подручными материалами.

Маневренная война в начальном периоде боевых действий вызвала во французской армии потери, равные 300 тыс. человек. После того как фронт стабилизировался, в период между зимой 1914 и весной 1917 года каждое продвижение на один метр стоило приблизительно одной жизни. Этот период называют также «войной на изнурение», потому что условия, в

[30] Vallaud P. 14–18 La première guerre mondiale. Plus de 500 documents inédits. — Paris: Acropole, 2011. P. 124–125.
[31] Vallaud P. 14–18. Op. cit. P. 202.
[32] Ibid. P. 138–139.

которых находились воюющие стороны, были ужасными: грязь, крысы, вши, голод, физические лишения, длительные артиллерийские обстрелы, вид убитых и трупный запах[33]. Закономерными результатами войны на изнурение на поздних этапах стали братания на фронте, а также мятежи во французской армии. Впервые французские солдаты отказались повиноваться приказам 17 апреля 1917 года, что положило начало бунтам, участившимся в мае и июне[34].

В ходе войны французы ощутили на себе неоправданную жестокость немцев. Об этом они говорили и писали уже в военное время. Они приводили в подтверждение своему восприятию факты, зафиксированные документально. Например, префект департамента Уаза г-н Ро (Raux) в своем отчете приводил следующие статистические данные[35]:

• число деревень с полностью разрушенными домами — 14;

• число полностью разрушенных домов — 2880;

• частично разрушенных — 3360;

• число разрушенных или сильно поврежденных заводов — 22;

• число разрушенных или сильно поврежденных школ, принадлежащих мэрии (mairie-école) — 66;

• число разрушенных или сильно поврежденных церквей — 11 (2 являются историческими памятниками);

• число спиленных фруктовых деревьев — 1/5 приблизительно;

• кражи — очень многочисленные, все было разграблено;

• депортация жителей — все жители обоих полов в возрасте от 15 до 60 лет были угнаны в плен;

• все захваченные коммуны освобождены.

Французы считали такие действия предумышленными. Они утверждали, что немецкая армия применяла (в соответствии с доктринальными установками германского Генерального штаба) особо жестокие способы не только на поле боя, но и по отношению к гражданскому населению, чтобы быстрее победить. Но жестокое ведение войны преследовало, по их мнению, и другую цель — устранить на поле боя завтрашнего конкурента, чтобы обеспечить немецким промышленникам и в целом всей немецкой экономике более благоприятные условия развития в

[33] Ibid. P. 128–129.
[34] Vallaud P. Op. cit. P. 32–322.
[35] Les dévastations allemandes dans les départements envahis, mars — avril 1917. — Paris; Nancy: Librairie Militaire Berger-Levrault, 1917. P. 78.

мирное время. Большая часть разрушений осуществлялась систематически, вне ведения боевых действий, чтобы подготовить длительную разруху оккупированных территорий и будущую выгоду немецкого производства[36].

Французы, чувствительно относившиеся к демографическому фактору, в том числе и в войне, рассчитывали на помощь русских. Они возлагали далеко идущие надежды на своего союзника, связанного с ними не только военно-политическим договором, но и финансовыми займами, за которые надо было расплачиваться. Их рассуждения были примерно такими: «…если Франция не будет побеждена сразу, Германия, какой бы прекрасной ни была ее армия, в конце концов, окажется потопленной русскими массами, что, в конечном итоге, сделает императора Николая вершителем судеб Европы»[37].

Русский экспедиционный корпус, находившийся во Франции по просьбе французского правительства, прибыл в страну в 1916 году в составе 1-й и 3-й бригад, которые остались во Франции, а также 2-й и 4-й бригад, которые были направлены на фронт в Македонию. Хотя положение русских солдат было чрезвычайно тяжелым, они очень стойко сражались на самых трудных участках фронта под Реймсом. После штурма Бремона, где погибло более 70% личного состава бригад, оставшихся русских солдат 18 июня 1917 года перевели в лагерь Ля Куртин, где 3 сентября вспыхнуло восстание, продолжавшееся до 19 сентября и потопленное в крови[38].

Помощь со стороны России для Франции была жизненно необходима. Недаром она постоянно требовала от своей союзницы помощи людскими ресурсами. Уже в начале войны французское правительство оказывало давление на царское правительство, чтобы оно немедленно начало отвлекающие боевые действия с целью ослабить немецкий наступательный порыв на Париж, который мог привести к поражению французов и выходу их из войны. Несмотря на то, что мобилизация русской армии была еще не завершена, 17 августа 1914 г. Россия начала крупное наступление в Восточной Пруссии, что заставило германское командование перебросить с Западного фронта на восток два корпуса и одну кавалерийскую дивизию, а также подготовить к переброске еще один корпус. Это значительно ослабило удар германских войск по французской армии, предотвратив ценой жизни тысяч русских солдат разгром Франции и выход ее из войны.

Накануне войны правительство Р. Пуанкаре (январь 1912 — январь 1913 г.), уделявшее большое внимание военным проблемам, приняло

[36] Tardieu A. La Paix. Préface de Clémenceau. — Paris: Payot & Cie, 1921. P. 308–309.
[37] Wickersheimer E. La République veut la paix, mais ne craint pas la guerre. — Paris, Eugène Figuière & Cie, Editeurs, 1914. P. 132.
[38] История Франции. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 600; Vallaud P. Op. cit. P. 310.

морскую программу от 13 февраля 1912 г., согласно которой французский флот к 1 января 1920 года должен был иметь 28 линкоров, 10 эскадренных разведчиков и 52 миноносца[39]. Но этим планам не суждено было реализоваться. К счастью для Франции, исход Первой мировой войн ы решался на суше, а не на море. Переместившись со второго места в мире в XIX веке на четвертое, за последние пять лет перед войной Франция попыталась наверстать упущенное, но это ей не удалось. Германский военно-морской флот твердо удерживал второе место в мировой табели о рангах, уступая лишь Великобритании. Поэтому Франции отводилась довольно скромная роль на военно-морском театре боевых действий в ходе Первой мировой войны. В связи с этим все кораблестроительные программы на период войны были заморожены. Страна продолжала строить только подводные лодки и небольшие эскортные корабли. К концу войны военно-морской флот Франции, при минимальном превосходстве над ВМС Италии, уступал по мощи не только Великобритании и США, но и Японии.

Руководство страны уделяло серьезное внимание развитию авиации. 29 марта 1912 года был принят закон о реорганизации воздушного флота, игравший положительную роль для его совершенствования. Французская авиация хорошо зарекомендовала себя в ходе военных действий. Она выполняла функции, свойственные авиации того периода: разведка, бомбардировка и истребление авиации противника. Французские летчики проявляли изобретательность в улучшении конструкции летательных аппаратов. Они также внесли ощутимый вклад в развитие тактики применения авиации, отрабатывая новые приемы ведения воздушного боя во фронтовых условиях. Вместе с тем стратегические бомбардировки Германии оказались невозможными из-за отсутствия у Франции многомоторных самолетов. Насущная необходимость производства самолетов-истребителей, отставание от мировых стандартов в моторостроении и другие причины тормозили создание во Франции стратегических бомбардировщиков, способных наносить удары по объектам на территории Германии. Однако к 1918 году французам удалось создать несколько видов тяжелых бомбардировщиков (среди которых — отличавшийся хорошими возможностями Farman F. 60 Goliath), применить которые не успели.

Страна, обладавшая вторым по объему парком дирижаблей в мире, активно использовала их для ведения воздушной разведки и наблюдения, а также для бомбардировки неприятельских объектов. Но недостаточно высокие технические и летные качества этих аппаратов привели к тому, что с

[39] История Франции. Т. 2. С. 557–558.

1917 года их применение ограничилось патрульной службой на военно-морском флоте.

Франция в течение многих веков придерживалась пророссийской политики. Она всегда стремилась поддерживать тесные отношения с российским самодержавием. Однако революция 1917 года в России разрушила это согласие между державами. Это событие было отрицательно воспринято французской правящей элитой и буржуазией. Последовавший за ним развал русской армии произвел на французов удручающее впечатление. Французская буржуазия находилась в состоянии полной растерянности. Журналисты (Рейнах, Пертинакс, Варен и др.), депутаты (Лабру), политические деятели (Клемансо) давали резкие оценки произошедшему. Лишь немногим (например, французским правым публицистам Жаку Бенвилю, Шарлю Бенуа и некоторым другим) удалось сохранить трезвость оценок. Известный историк Бенвиль указывал в Action francaise свою точку зрения на причины произошедшей революции, утверждая, что для России война длилась слишком долго и превратилась в мрачную и бесцельную, переполненную ненавистью к Германии, что она выдохлась, а славянское братство уже не ощущалось[40].

После Первой мировой войн ы наступило время переосмысления опыта, полученного в ходе четырехлетней войны, изменившей мир и взгляды на войну. Одним из тех, кто внес вклад в развитие французской военной мысли, был Шарль де Голль[41], участник Великой войны, перенесший тяготы немецкого плена, участник боев на Волыни и под Варшавой в 1919 году, профессор в Сен-Сире, автор проекта программы обучения в Высшей военной школе. Он осознавал отсутствие стройного плана национальной обороны. Предсказал поражение Франции в ходе будущей войны. Очень ценными были его мысли о применении моторизованных соединений в современном бою. Де Голль считал, что успех в будущей вой не будет предопределяться профессионализмом армии, о чем он писал в своей книге «На острие шпаги» (1932). Изучая вопрос об эффективности оборонительных укреплений на северо-востоке Франции, первым подверг сомнению представления французского командования о неприступности линии Мажино. Резко критиковал доктрину пассивной обороны. В книге «Франция и ее армия» де Голль утверждал, что Франция не готова к надвигающейся войне, так как не располагает необходимым техническим потенциалом. Он призывал к созданию танковых войск и авиации. Считался сторонником и

[40] См.: Constantin de Grunwald. Les alliances franco-russes. Neuf siècles de malentendus. — Paris: Plon, 1965. P. 389–390.

[41] Идеи. Лидеры. Действия. — М.: Библиотека Единой России, 2006. С. 165–187.

теоретиком молниеносной войны, которая была отвергнута рутинной военной мыслью Франции и успешно применена немецким командованием в начале Второй мировой войны.

Опыт Первой мировой войны не дал положительных результатов в плане развития официальной стратегии и военного искусства Франции. Правительство не уделяло достаточного внимания решению военных вопросов, что привело к господству концепций, господствовавших до окончания первой мировой войн ы. Основу стратегии составляла идея позиционной войны, определявшая организацию войск их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом[42].

Военно-морские силы Франции в период войн ы были привлечены к решению второстепенных задач. В предвоенный период некомпетентность политических деятелей, ответственных за состояние ВМС, пагубно повлияла на состояние французского флота. Тяжелое экономическое положение страны в ходе войны и после нее отрицательно сказалось на развитии военного флота, нанеся чувствительный удар по престижу некогда второй морской державы мира.

Франция вошла в число стран-победительниц, получив удовлетворение национальной гордости от победы над своим «обидчиком», но потеряла в лице России верного союзника, что впоследствии сказалось на ее судьбе несколькими десятилетиями позднее и продолжает ощущаться до сих пор.

В ходе Первой мировой войны были впервые применены новые технологии и решения, которые в дальнейшем дали толчок в развитии военного дела. Это было отражением индустриализации, технологизации процессов производства вооружений и в целом военной деятельности. Французам удалось внести свою лепту в развитие авиации, создание первых прототипов зенитных установок, создание удачных моделей легкого стрелкового оружия. Были достигнуты значительные успехи в области военной медицины, протезирования, челюстно-лицевой хирургии и т.д.

Первая мировая война показала французам (как, впрочем, и всему миру), что цивилизованность противника не ограждает от вероломности, жестокости, применения антигуманных средств вооруженной борьбы.

В связи с тем, что Франция понесла тяжелые демографические потери, она испытала шок, от которого ей трудно было оправиться в последующие десятилетия, что, вероятно, повлияло на ее поведение во втором мировом конфликте.

---

[42] Идеи. Лидеры. Действия. С. 168.

Франция до войны, в ходе нее и после подписания Версальского мирного договора не переставала верить в свое мессианское предназначение. Однако правящая элита страны далеко не всегда соответствовала уровню претензий, которые сама выдвигала и культивировала, как об этом заявлял французский интеллектуал Э. Викершеймер: «Взгляды всех народов, стремящихся к свободе или обретших ее, повернуты к Франции, которая высоко несет ослепительный свет цивилизации»[43]. Возможно, отчасти поэтому она недооценивает ту исторически неоспоримую помощь, которую ей оказала Россия в самые тяжелые годы испытаний Первой мировой войны.

Версальский мирный договор, заключенный 28 июня 1919 г., подвел черту под Первой мировой войной. Его условия были заведомо чересчур тяжелыми для побежденной стороны. Исходя из ущерба, нанесенного Германией французскому обществу, Клемансо настаивал на том, чтобы немецкая сторона максимально возместила ущерб, нанесенный Франции в результате военных действий. Были наложены ограничения на вооруженные силы Германии. Условия договора расценивались Германией как чересчур обременительные. С приходом Гитлера к власти выплата репараций прекратилась. Существуют мнения, что договор способствовал обострению противоречий между подписантами и привел к новому кризису, повлекшему новый мировой конфликт.

Франция как одна из стран, наиболее пострадавших в войне, стремилась обеспечить мирные условия развития в Европе и в мире в целом. Поэтому она выступила инициатором договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, который был подписан 27 августа 1928 г. и был назван в честь инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога.

[43] Wickersheimer E. Op. cit. P. 198.